

УДК 343.8

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ОБОСНОВАНИЯ

Никитеев Владимир Иннокентьевич,

генерал-майор внутренней службы в отставке,

Почетный работник УИС, ведущий аналитик отдела воспитательной и социальной работы с личным составом, УФСИН России по Кировской области. Россия, г. Киров,

Девонина Влада Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент, полковник внутренней службы, профессор кафедры кадровой, воспитательной и психологической работы в УИС, ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России. Россия, г. Киров

Аннотация. Системные социально-экономические трансформации, происходящие в мире, предопределяют качественные изменения, которые с необходимостью отражаются в деятельности УИС. Целью проводимого в статье анализа является выявление «слабых» мест в деятельности отечественной пенитенциарной системы, развивавшейся в русле либеральной парадигмы последние 30 лет, что предопределило ее неспособность как обеспечивать себя на уровне экономическом, так и адаптировать лиц, отбывающих наказание в учреждениях УИС, к свободной жизни в условиях рыночной экономики. Проведенный анализ опирается на многолетнее изучение процесса ресоциализации лиц, отбывавших наказания в учреждениях УФСИН России по Кировской области. Результатом проведенных исследований стали выводы об объективной необходимости формирования новой парадигмы деятельности УИС и о поиске совместными усилиями всех заинтересованных сторон (практиков, ученых-пенитенциаристов, государственных и политических деятелей, представителей общественных и религиозных организаций и др.) возможных и наиболее эффективных направлений развития отечественной пенитенциарной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, парадигма деятельности уголовно-исполнительной системы, исправление осужденных, труд, ресоциализация, инфантилизация осужденных, уголовно-исполнительная политика.

Экономические и социальные сдвиги, происходящие в мире и спровоцированные целым рядом объективных (цены на нефть, пандемия коронавируса и др.) и субъективных факторов, стали мощнейшим за последние годы вызовом существующему миропорядку и влекут за собой качественное его преобразование. Изменение структуры рынка рабочей силы, массовый рост безработицы – последствия, угрожающие стабильности современной государственности, в том числе и российской.

По прогнозам Торгово-промышленной палаты России в ближайшее время без работы могут остаться 8,6 млн россиян [1].

Данные обстоятельства делают очевидной невозможность в рамках сложившейся уголовно-исполнительной практики подготовки к самостоятельной жизни в новых социально-экономических условиях лиц, отбывавших уголовные наказания в условиях изоляции от общества.

Адаптация лиц, вышедших из мест лишения свободы, уже многие годы (отличавшиеся значительно большей стабильностью всех сфер жизни по сравнению с наступившим временем) проходила болезненно и, зачастую, безуспешно. Доля лиц из числа отбывающих наказание в третий и четвертый раз возросла с 2006 г. по 2016 г. почти в 2 раза (с 20 % до 33 %). Только 15 % осужденных (по данным на 01.02.2020), находящихся в местах лишения свободы, не были ранее судимы. Если в 2012 году

46,6 % преступлений были совершены лицами, ранее совершавшими преступления, то за 2019 год их стало 58,7 % [2].

Проведенные в 2017–2019 гг. сотрудниками отдела воспитательной работы с осужденными УФСИН России по Кировской области исследования показали, что существуют три основных фактора, определяющих низкий уровень адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, к жизни вне исправительного учреждения. Это:

- алкоголизация (42 % освободившихся считают ее причиной возвращения в места лишения свободы),
- отсутствие денежных средств (65 % совершивших преступление не имели источника дохода),
- отсутствие собственного жилья (его не имели 11 % вернувшихся в исправительные учреждения (далее – ИУ) лиц).

Все это накладывается на отсутствие в нашей стране, как законодательной базы, так и самого механизма адаптации вышедших на свободу бывших осужденных.

К этим, безусловно, объективным факторам необходимо добавить фактор субъективный, который зачастую становится причиной вышеперечисленных проблем, это – инфантилизация осужденных в период отбывания наказания, порождающая не только иждивенческие настроения после освобождения из мест лишения свободы («мне все должны»), но и совершенно не соответствующие реальности ожидания, бесознательно идеализирующие жизнь на свободе.

Опросы осужденных перед освобождением показывают, что 61 % из них уверены, что на свободе у них не будет проблем с трудоустройством, 47 % надеются, что все трудности им помогут решить родственники и друзья, в службу занятости намереваются обратиться не более 13 %. Только 37 % осужденных считают, что должны сами решать свои проблемы.

Анализируя сложившуюся с институтом ресоциализации осужденных ситуацию, мы с необходимостью вынуждены признать, что ориентированная последние 30 лет на международные стандарты пенитенциарная система нашей страны, настойчиво и хаотично внедряя различные элементы «западной» модели исправительного воздействия, говоря рыночным языком, выпускает в результате в большей части негодный «продукт». Люди, не наученные в ИУ преодолевать трудности как объективного, так и субъективного плана, априори оказываются неконкурентоспособными в условиях рыночных отношений.

Не выполняемая, в силу разных обстоятельств, в течение десятилетий Правительством России статья 10 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в части обеспечения УИС заказами на производство продукции, не позволяет администрации учреждений трудоустроить всех работоспособных осужденных. Например, в Кировской области работают только 63 % от числа лиц, отбывающих наказание. По данным же Счетной палаты Российской Федерации на январь 2018 года, в УИС РФ не привлекались к труду более 60 % трудоспособных осужденных [3].

Таким образом, на наш взгляд, второе по значимости средство исправления (ст. 9 УИК РФ) – общественно полезный труд – используется очень неэффективно. Достаточно сказать, что сегодня осужденные своим трудом отработывают менее 2,3 % бюджетных средств, затрачиваемых на содержание УИС. До 1991 г. исправительные учреждения не только полностью окупали свое содержание, но и приносили прибыль стране, при том, что число преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами в Кировской области, было в 2 раза меньше, чем сейчас: 1985 г. – 33,1 %, 2018 г. – 66,7 %.

Еще одним негативным для оценки результатов деятельности УИС маркером выступает погашение осужденными исковых обязательств потерпевшим. Оно состави-

ло, по итогам деятельности учреждений УФСИН России по Кировской области в 2018 г., не более 3,7 % (!) от общей суммы исковых обязательств.

Очевидно, что в ближайшее время в стране не появятся новые рабочие места. Напротив, кризис грозит их сокращением, в том числе, и в местах лишения свободы.

Поэтому необходимо максимально в короткие сроки и с наименьшими затратами (правовыми, экономическими, кадровыми) найти выход из существующей ситуации.

Анализируя наиболее острые проблемы исполнения наказаний на современном этапе развития УИС, акцентировать внимание хотелось бы на двух. Они взаимосвязаны между собой, и обе имеют объективно-субъективный характер: первая – это проблема инфантилизации осужденных, усиливающейся/формирующейся в период отбывания наказания, и вторая – проблема их трудоустройства. Учитывая, что данные проблемы носят, на наш взгляд, принципиальный характер, а их решение позволит без больших ресурсных затрат кардинально повысить эффективность исправительного воздействия на лиц, совершивших уголовные преступления, остановимся подробнее на их анализе.

Сама специфика ИУ, предполагая жесточайшую регламентацию жизнедеятельности осужденного фактически с полным пансионом содержания, отучает его от принятия самостоятельных решений и выбора вариантов поведения.

Это обстоятельство, накладываясь на невозможность сформировать у осужденного устойчивую привычку к постоянной трудовой деятельности, делает его неспособным противостоять проблемам самостоятельной жизни на свободе.

Отсутствие навыков выживания обрекает многих из них на новые преступления.

Компенсировать такую неполноту нынешнего исправительного воздействия ни воспитательной, ни психологической, ни социальной работой невозможно. Это в принципе другие инструменты исправления. К этому должно добавить нередко невысокую квалификацию персонала, прежде всего, в отдаленных от мегаполисов и городов ИУ.

Следующей причиной усилившейся с 1990-х годов инфантилизации осужденных является по сути ее идеологическое оправдание в парадигме либеральных ценностей, когда государство рассматривается только как аппарат принуждения и источник зла, а граждане, в том числе и преступившие закон, всегда как жертва и объект постоянного насилия со стороны государства. Именно на этом основана идея «правозащиты», защищающая преступников и не вспоминающая о защите прав их жертв и потерпевших.

Проведенные нами исследования показывают, что каждый четвертый осужденный воспринимает наказание и возложенные на него временные лишения и ограничения не как кару за содеянное, а как ущемление своих прав:

- 45 % считают, что тяжесть наказания несправедлива,
- 37 % уверены, что никому кроме себя не причинили вреда,
- 12 % полагают, что от их действий вообще никто не пострадал.

Результаты научных исследований, опубликованные в 2019 году, говорят о том, что около 50 % осужденных не хотят работать [4; 17].

В данной парадигме у значительной части осужденных в период отбывания наказания формируются протестно-потребительские настроения, что в принципе исключает раскаяние, а следовательно, исправление. По освобождению из мест лишения свободы такому человеку очень трудно встроиться в общество и соблюдать общепринятые правила. Большая часть подобных лиц маргинализируется и возобновляют преступную деятельность.

В этой связи показательны результаты опросов осужденных перед выходом на свободу: 41 % освобождаемых не считают судимость препятствием при устройстве на работу, 6 % – не намереваются работать в принципе, только 1 % обеспокоены отсутствием жилья (однако, при возвращении в места лишения свободы 11 % указали это обстоятельство как причину совершения преступления); 81 % после освобождения

рассчитывали в среднем на заработную плату в 40 тыс. руб. (реально 80 % освободившихся получали в среднем 18 тыс. руб., а 38 % из них довольствовались 12 тыс. руб.), лишь 8 % ожидали, что их доход не будет превышать 15 тыс. руб., только 37 % после окончания срока были готовы идти на любую работу.

Несмотря на полную информированность осужденных о социально-экономической ситуации, в которой они окажутся на свободе в рамках «Школы подготовки к освобождению», организацию встреч с представителями государственной службы занятости населения и т.п., налицо явно неадекватно завышенные оптимистические ожидания по поводу «свободной» жизни.

90 % освободившимся и обратившимся в службу занятости были предложены работы по специальности, полученной в ИУ. Однако только 61 % согласились работать на указанных условиях. Несмотря на то, что искать работу в службе занятости намерены были не более 13 %, реально прибегли к ее помощи 37 % лиц, получивших свободу.

Очень примечательны позитивные стремления осужденных в ожидании свободы: 80 % из них намеревались по окончании срока работать, а 89 % возвратившихся в течение года после освобождения обратно в наши учреждения, утверждают, что предпринимали попытки трудоустроиться. Однако только 40 % самостоятельно, без услуг службы занятости смогли получить работу.

Практика показала, что 68 % вернувшихся в места лишения свободы в течение года после освобождения существовали за счет разовых работ и случайных заработков, 9 % получали помощь от родственников и только 13 % были официально трудоустроены; 6 % признались, что жили воровством.

Очевидно, что неоправданно завышенные ожидания значительной части бывших осужденных разбились о суровую действительность рынка. Бывшим подопечным уголовно-исполнительной системы явно не хватило ни упорства, ни выдержки в достижении цели.

Многие из них оказались не способны конкурировать в аскетизме даже с одинокими пенсионерками, живущими на 12-14 тыс. руб. в месяц. Такие навыки лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и обеспеченным регулярным питанием, одеждой, соответствующей сезону, бесплатным медицинским обслуживанием, психологическим сопровождением и организованным досугом, обрести в действующей модели исправления практически невозможно. Показательно, что 42 % из числа анкетированных перед освобождением лиц сразу допускали возможность возвращения в ИУ, 14 % выразили сомнение, что смогут вести законопослушный образ жизни, а 1 % просто желал вернуться в колонию.

Следует отметить, что в ИУ Кировской области исключено влияние на обстановку криминальных лидеров, соблюдаются все требования режима в отношении осужденных, все предусмотренные законом ограничения и запреты исполняются в полном объеме. При этом совершенно отсутствует силовая избыточность. К примеру, такое спецсредство как палка резиновая не применялось уже более двух лет. На протяжении последних трех лет доля осужденных, удовлетворенных соблюдением своих прав, составляет в среднем 70 %. Трудозанятость осужденных в Кировской области на 01.01.2020 составила 67 % от числа лиц, подлежащих трудоустройству, при том, что средний показатель по РФ – 49 %. И даже в этих условиях инфантилизация спецконтингента, как показывают наши исследования, бесспорна.

Из сделанного анализа следует вывод о том, что сложившаяся в условиях действующих идеологических установок отечественная уголовно-исполнительная модель не обеспечивает достижения заявленных в законодательстве целей, а затраты на содержание УИС не являются сообразными результату ее деятельности.

Комплексная оценка деятельности УИС на современном этапе в части результативности исправительного воздействия на лиц, нарушивших уголовный закон, пока-

зывает неэффективность сложившейся под влиянием либеральной парадигмы и международных пенитенциарных стандартов системы ресоциализации осужденных и приводит к решению о необходимости кардинального пересмотра существующей парадигмы деятельности отечественной УИС.

Что же необходимо изменить в первую очередь?

Первое, что видно любому профессионалу, это *смещение акцентов в достижении цели применения наказания*.

Несмотря на прямое указание закона (ст. 43 Уголовного кодекса РФ) о первородстве такой цели применения наказания как «восстановление социальной справедливости», в действительности уже десятки лет практиков вынуждают, прежде всего, заниматься второй по подчиненности целью – исправлением осужденных.

Последние четверть века под давлением правозащитного дискурса для УИС искусственно насаждается дилемма: либо ГУЛАГ, либо хаос. Априори отвергая первое, сотрудников УИС и граждан убеждают мириться с хаосом как результатом неуспешного исправления индивида. Любые попытки навести порядок сопровождаются настоящей травлей сотрудников со стороны ангажированных СМИ и правозащитников. Отвергая любое применение силы в пенитенциарном деле, либеральное лобби долгие годы не оставляло другого выбора администрации учреждений, кроме как входить в альянс с криминальными лидерами и, используя их влияние на основную массу осужденных, добиваться хотя бы элементарной управляемости. Особенно часто это происходило в учреждениях со слабым, неквалифицированным кадровым составом. Однако необходимо подчеркнуть, что возлагать вину за такое положение дел только на сотрудников учреждений недопустимо: попав в мировоззренческую «ловушку» толерантности, они стали заложниками изначально порочно выстроенной модели взаимодействия с осужденными, предопределяющей их поражение.

Именно за эти годы в учреждениях ФСИН России сформировалась, по словам бывшего министра юстиции РФ А. В. Коновалова, неподвластная закону культура, созданная представителями преступного мира и теми, кто за ними должен надзирать [5].

В такой системе координат цели, поставленные государством для УИС, оказываются недостижимыми, а сама система – совершенно искаженной. Ведь преступник, не искупивший вину в жестких условиях предписанных законом правил, к раскаянию не придет и даже не будет сожалеть о случившемся. А без осознания необходимости искупления вины исправление невозможно в принципе. Человек не видит надобности улучшать себя, у него и так все хорошо, а свое преступление он продолжает считать досадной оплошностью либо неудачей. ИУ должно стать в первую очередь местом искупления вины и только во вторую – местом исправления.

Более того, профессиональных преступников может сдерживать от совершения новых преступлений только страх перед механизмом искупления вины, перед жестким режимом содержания. Современное законодательство позволяет утяжелять условия содержания для злостных нарушителей, заставляя закоренелых уголовников претерпевать дополнительные испытания. С первых дней пребывания индивида в колонии необходимо добиваться осознания им порочности своего преступного деяния и восприятия испытываемых тягот, связанных с соблюдением условий порядка содержания, как воздаяния за совершенное зло.

Второй проблемой выступает проблема трудоустройства осужденных, включающая в себя невозможность в действующей парадигме привить осужденному навыки выживания в условиях «свободного» рынка, где, по классическому постулату Т. Гоббса, «человек человеку волк» (Плавт).

Приводившиеся результаты исследования причин рецидивной преступности: 65 % совершающих преступление лиц на момент совершения преступления не имели

источника дохода, – убедительно свидетельствуют, что большинству лиц, обретших свободу, в качестве базового понадобится именно этот навык – навык выживания.

Где же выход? Вариантом решения этой проблемы могли бы стать исправительные центры, через которые часть осужденных будет ресоциализироваться. В действительности же на базе этих учреждений можно лишь частично адаптировать осужденного, приучая к самостоятельности хотя бы в некоторых аспектах свободной жизни, таких как: рациональное расходование заработанных средств, организация своего питания, решение части бытовых вопросов и т. п. Такие процессы реально способствуют интеграции (вживанию) индивида в общество.

Однако все это будет возможным только при условии эффективной предварительной работы в ИУ. Практика показала, что 63 % осужденных, прибывших из колонии с ослабленным режимом содержания, не приспособиваются к свободной жизни и возвращается в места лишения свободы. Напротив, только 10 % осужденных, поступивших в исправительный центр из учреждений УИС, в которых полностью соблюдались требования закона, были направлены назад.

Из всего изложенного, на наш взгляд, очевиден вывод о необходимости скорейшей смены всей парадигмы исправительной практики пенитенциарных учреждений России.

В условиях экономического кризиса иждивенчество нашей УИС будет неизбежно перерождаться в одну из угроз внутренней безопасности государства, провоцируя взрывной рост рецидивной преступности и дестабилизируя тем самым обстановку в обществе.

Перманентная, образца 90-х годов, гуманизация исправительного процесса давно превратила преступника в жертву, которая за время отбывания наказания трансформируется в активного иждивенца и именно в этом качестве предстает на свободе.

Основной задачей УИС должна стать подготовка осужденных к самостоятельной жизни в условиях жесточайшей конкуренции свободного рынка, их приучение преодолевать трудности и бороться за выживание, оставаясь в границах закона. Пребывание в колонии должно делать человека жизнеспособным в условиях свободного правового и социально-экономического пространства – именно таким должен стать основной критерий эффективности и успешности его ресоциализации.

Более того, кроме указанных в ч. 1 ст. 9 УИК РФ качеств, которые должны формироваться у осужденного под исправительным воздействием: уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, – надлежит также приучать его к крайней воздержанности, прежде всего, в вопросах потребления.

Неоценимым в этом отношении может стать опыт сотрудничества с Русской Православной Церковью, которая исповедует аскезу (добровольную способность к самоограничению телесных потребностей) как одно из условий крепости духа. Идеальным для выходцев из учреждений уголовно-исполнительной системы видится обретение ими **потребности** аскетичного жития.

Именно такое целеполагание исправительного воздействия минимизирует инфантилизацию лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Но здесь мы снова должны говорить о принципиальной смене парадигмы деятельности УИС, так как в рамках либерально-правозащитного дискурса любое приучение и заставление, идущее вразрез с желаниями (=прихотями) личности осужденного, маркируется как насилие над ним. Сотрудник УИС, поддерживающий в установленных законом границах режим в учреждении, воспринимается в сложившейся в постперестроечное время аксиологической системе как незаконный властолюбец. Безоговорочно же тут обратное, что принуждение это должно рассматриваться, как «заставление»: термин И. А. Ильина, считавшего, что «было бы глубокой духовной ошибкой приравнять вся-

кое заставление – насилию и придать центральное значение этому последнему термину» [6, с. 17–31].

Показательными в этом плане являются опросы выпускников учебных заведений ФСИН России, ежегодно проводимые в УФСИН России по Кировской области. Перечисляя цели применения наказания, респонденты никогда не вспоминают первую из них – «восстановление социальной справедливости» (ст. 43 УК РФ), определяющую приоритетность защиты интересов законопослушных граждан, требующую применения правовой силы государства. При этом понятия «законное принуждение» и «насилие» для них тождественны.

Однако на таком идеологическом фоне невозможно добиться, чтобы труд для осужденного стал осознанной необходимостью участия в создании материальных благ, возмещающих затраты на его содержание и дающей возможность погашения исковых обязательств.

Нетрудоустроенные осужденные должны работать по благоустройству колонии не так, как сейчас – 2 часа в неделю, а ежедневно и значительно больше по времени, особенно, если они не обучаются в средней школе или учреждении среднего профессионального образования. Труд в ИУ должен стать испытанием, помогающим человеку в будущем превозмогать тяжелые обстоятельства свободной жизни.

Только на этих двух основаниях: режиме и труде, – может строиться результативная воспитательная работа. В иной компоновке исправительная модель работать не будет.

Преобладание правозащитного умонастроения хорошо видно и на примере требований закона в ст. 82 УИК РФ, где прямо указывается на то, что режим в местах лишения свободы является первоопределяющим условием для применения других средств исправления осужденных. В то же время давно никто не признает режим необходимой карой за совершенное преступление.

Поэтому в постперестроечной отечественной пенитенциарной практике вопросы исправления осужденного решаются через выстраивание системы воспитательной работы. По сути, из процесса исполнения наказания изымается «государственное принуждение» (ст. 43 УК РФ), чем выхолащивается и сама суть наказания.

Все это происходит лишь потому, что сложившиеся стереотипы мышления не позволяют субъектам уголовно-исполнительных отношений действовать иначе. К слову сказать, нам не известен ни один официальный документ, в котором указывались бы недостатки в деятельности ИУ, связанные с проблемами восстановления социальной справедливости. Данный вопрос никогда не являлся предметом рассмотрения служебного совещания, научной конференции или общественного форума. А такие понятия как «возмездие», «искупление», «принуждение», «страдание», не говоря уже о «покаянии», – являются табу в любой профессиональной, а тем более правозащитной дискуссии. А ведь идея искупления связана с представлением о справедливости и исторически существует во всяком человеческом сообществе. Она укоренена в природе человека.

Также и труд в местах лишения свободы давно рассматривается не более как адаптация, приспособление преступника к изменившимся обстоятельствам.

С другой стороны, напротив, наблюдается непомерная, почти мистическая вера во всеисилие воспитательно-психологического влияния на «оступившегося» индивида.

Налицо абсолютная перекодировка самого понятия исправительного процесса. Но именно в этой системе координат и строится теперешняя уголовно-исполнительная практика. Уже почти четверть века наш несовершенный пенитенциарный механизм безуспешно пытается «исправлять» преступников. Превращение этого процесса в объективную реальность невозможно без смены парадигмы как шаблона мышления в деятельности УИС.

Важно подчеркнуть, что сложившаяся парадигма не является следствием действующего законодательства, но только его трактовкой, причем во многом противоречащей ему, что и создало круг проблем, самым негативным образом влияющий на процесс исправления преступника. Существенно и то, что эта ситуация рукотворна и поэтому преодолима: для ее улучшения не требуется даже принципиально пересматривать действующую нормативную правовую базу. В случае принятия предложений по изменению Конституции РФ [7] автоматически будет упразднена ч. 2 ст. 3 УИК РФ о приоритете международного права над российским, что, следуя логике развития современного государственного строительства, позволит принципиально изменить **подход к проблеме исполнения наказания**, избавиться от навязанных извне стереотипов, объективно оценить состояние дел, опереться на собственный опыт. И ... назвать всё своими именами.

Аксиомами новой парадигмы деятельности отечественной уголовно-исполнительной системы должны стать следующие положения:

- национальные интересы в уголовно-исполнительной политике имеют приоритет над международными стандартами;
- наказание – это прежде всего искупление вины;
- тяготы и лишения, связанные с исполнением приговора, непременный атрибут наказания и необходимые условия искупления вины;
- наказание должно формировать у осужденного социально приемлемую модель поведения;
- преступник – это человек, поставивший свои интересы выше интересов общества и нанеший вред обществу или одному из его членов;
- осужденный – не жертва обстоятельств, а лицо, должное возместить причиненный вред/ущерб;
- интересы жертвы выше интересов преступника;
- отбывающий наказание преступник ограничен в правах;
- неисполнение осужденным обязанностей автоматически влечет ущемление части его прав;
- обязательный и регулярный общественно полезный труд – второе по значимости средство исправления после режима;
- приучение осужденного к навыкам жизнестойкости и умению обходиться в самостоятельной жизни самым необходимым – обязательный элемент исправления;
- адаптация осужденного – это умение выживать, приспосабливаться к условиям существования в свободном социально-экономическом пространстве.

Исправление осужденного в новой парадигме деятельности УИС – это инструмент укрепления отечественной государственности, повышения ее национальной безопасности, обеспечения устойчивого развития нашей страны.

Действующая уголовно-исполнительная модель, основанная на либеральной идеологии, оказалась несостоятельной. А сама эта идеология, по словам президента России В. В. Путина, «изжила себя и вошла в противоречие с интересами большинства населения» [8].

Глобализация закончила свой путь. Все прежние политические конструкции будут модернизированы. России также предстоит привести стратегию своего развития в соответствии с национальными интересами, ибо традиционные ценности, как указал лидер страны, «важнее для миллионов людей, чем либеральная идея» [9]. Неизбежна будет и смена уголовно-исполнительной политики. Поэтому, чем скорее мы осознаем это, тем раньше начнем формирование новых установок и взглядов на пенитенциарную практику, что позволит сделать работу УИС более эффективной и полезной для общества. Пришло время менять правила. Отныне все должно быть подчинено одной цели – сохранению страны.

Список литературы

1. ТПП предупредила о риске разорения трех миллионов предпринимателей // Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20200321/1568933814.html> (дата обращения: 25.03.2020).
2. Официальный интернет сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Портал правовой статистики // Режим доступа: URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 30.03.2020).
3. Блинова Т. В. В уголовно-исполнительной системе не привлекается к труду более 60 % трудоспособных осужденных // Режим доступа: URL: <http://www.ach.gov.ru/news/v-ugolovno-ispolnitelnoj-sisteme-ne-privlekaetsya-k-trudu-bolee-60-trudosposobnyh-osuzhdennyh-32329/> (Дата обращения: 30.03.2020).
4. Шатилов В. Труд как средство исправления // Преступление и наказание. – 2019. – № 1. – С. 16-17.
5. Выступление министра юстиции РФ А. В. Коновалова на заседании Совета Федераций 12.06.2017 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Основные итоги деятельности. Справочник. Ежегодник. 2017 / Под общей редакцией А. Д. Жукова. – М.: Издание Государственной Думы, 2018.
6. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // И. А. Ильин Путь к очевидности. М.: «Республика», 1993. – 431 с.
7. Полный текст Закона «О поправке к Конституции Российской Федерации» // Режим доступа: URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 20.03.2020).
8. Интервью президента России В. В. Путина в газете «The Financial Times» 28 июня 2019 года // Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения 10.10.2019).
9. Выступление президента России В. В. Путина на саммите СНГ в Ашхабаде 11 октября 2019 года // Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61782> (дата обращения 15.10.2019).